

РЕБЕККА ПОПОВА

Флирт за чашкой кофе

18+

Ребекка Попова
Флирт за чашкой кофе
Серия «Невыносимое
томление плоти», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71248462

SelfPub; 2025

Аннотация

Стоит ли заводить служебные романы? Героиня решила проверить это на себе.

Рекомендовано любителям эстетики НИИ советского периода.

Содержание

Полоска моря	4
В институте	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ребекка Попова

Флирт за чашкой кофе

Полоска моря

Сносная работа была, наконец, найдена – знакомая родителей устроила меня секретарем в одну контору.

В числе прочих там работали зрелые женщины с детьми, и эти тетушки периодически опекали меня – скорее всего, я воплощала в их глазах какой-то стереотип неприкаянной незамужней девицы. В свою очередь, мне постоянно приходилось напрягать мозги в поисках того, что их могло бы заинтересовать – я плохо себе представляла, о чем с ними беседовать.

Едва завидев своего будущего начальника, я впала в какой-то дурман, в какую-то эйфорию.

Он был существенно старше меня. Но, по иронии судьбы, мой шеф относился к тому типу мужчин, которые представляют из себя воплощенное обаяние – то есть просто смотреть на него и слушать было кайфом. Вел он себя как так называемый "мужчина-ребенок", поражая своей непосредственностью, поэтому в некоторых отношениях я чувствовала себя старше него.

Прибавьте к этому еще и быстрый ум – он сходу угадывал

скрытые смыслы собеседника, а за полетом его собственной мысли порой не могла угнаться ваша покорная слуга – и тогда станет понятно, в какую "западню" я попала. К числу его привлекательных качеств я бы отнесла еще мальчишескую походку – порою он носился по офису как метеор. И еще маленький штришок: он производил впечатление доброго, безусловно положительного, но при этом совсем не скучного человека – ведь почему-то считается, что слишком положительные люди навевают скуку, а вот порок, наоборот, исследователю человеческих душ любопытен.

Он так победоносно, так торжествующе улыбался, что все выглядело так, будто он – хозяин положения во всех разговорах. Но в то же время ему нравилось, что ему противоречат и дерзят – впрочем, если только это происходило не в ущерб делу. Он чутко улавливал настроение собеседника и подстраивался под него, подыгрывая партнеру.

Если использовать понятие "архетип", то бесконечно привлекателен для меня оказался, пожалуй, сам архетип моего начальника – вне зависимости от того, как он себя вел и как складывались наши отношения в каждый конкретный день.

В тот период я придумала следующую формулу влюбленности:

"Влюбленность – это такое состояние, когда ты как бы все время что-то хочешь получить от другого человека – порой не отдавая себе отчета, что именно – и все никак не можешь это получить. Вот эта-то неутолимая жажда и поддерживает

чувство – собственно, она и есть само чувство. То есть если один человек вдруг решает, что другой может стать для него источником приятных эмоций, а тот, другой, не полностью действует по его сценарию, то влюбленность имеет шанс продолжиться. Область разрыва между ожиданиями и реальностью как раз и порождает томительное волнение сердца."

Схема отношений "шеф – секретарша" выглядела чуть пошловато, и это меня немного подтормаживало, но одновременно и немного заводило.

Вдобавок это все-таки было новое место работы, мне нужно было въезжать в ситуацию, учиться новым вещам и тому подобное. Кроме того, я влилась в некий уже сложившийся коллектив, и всем этим довольно симпатичным людям могло прийти в голову, будто я собираюсь решать на работе личные проблемы – от этих мыслей я чувствовала себя не слишком комфортно.

Общаться с предметом своего увлечения каждый день оказалось для меня достаточно напряженным – тем более, что мы оба были достаточно импульсивны, и настроение у каждого из нас на протяжении суток менялось. Шеф же и вовсе общался со мной по времени больше, чем с собственной женой.

С его стороны ко мне поступали флюиды дружелюбного интереса и даже некоторого подкалывания. Ему было невдомек, насколько эмоционально я внутренне реагирую на эти шутки в мой адрес в его исполнении – а меня, что называет-

ся, бросало то в жар – то в холод. Я чувствовала волнение и, как всегда, когда мне кто-то нравился, казалась себе неуклюжей и угловатой, словно подросток.

В ответ на мой неопределенный ответ о том, буду ли я пить кофе, он заметил, что, мол, молодые девушки всегда сначала говорят одно, а потом другое. А выйдя в коридор, чтобы показать мне номерки на дверях, пояснил: хочется же с молодой девушкой показаться! Стоял январь, в помещении было холодно, и я пообещала на следующий день одеться теплее, а то меня, мол, целый день бьет дрожь – на это начальник довольно улыбнулся и подтвердил: да, мол, на работе такое бывает – он словно бы с удовлетворением заметил мое неадекватное состояние, когда меня трясло уже просто оттого, что я стою рядом с ним.

Иногда я автоматически произносила идиоматическое выражение: "от греха подальше". Мой начальник реагировал на него буквально. Один раз спросил: "Вы уверены, что все время нужно держаться от греха подальше?" В другой раз изменившимся голосом со значением сказал: "Это от вас, что ли, подальше?" Я подумала, что он хочет вести со мной двусмысленную беседу и в ходе нее острее чувствовать себя мужчиной. Или же он, по своему обыкновению, решил мне подыграть, полагая, что именно этого я от него и жду.

Как-то раз раз в начале нашего знакомства он говорил по телефону, сидя в моей "секретарской" комнате, и рассеянно скользил по мне взглядом, как это иногда делают

люди, пытаясь занять чем-то глаза во время скучной беседы. Столь откровенное внимание показалось мне слишком неожиданным, и я порядком смутилась. Некоторое время я пыталась отвечать ему таким же пристальным взглядом... Причем мой взгляд был весьма откровенен и словно бы принадлежал женщине, которая хорошо знает, чего от нее хочет мужчина, и это дает ей основание этак цинично смерить его взглядом, намекая, что в любом случае именно она, женщина, окажется на высоте, чего никогда нельзя заранее утверждать про мужчину... Потом я не выдержала того, насколько сильно принялась циркулировать кровь по моему организму, испугалась биения собственного сердца и опустила глаза, уставившись в книжку.

Однажды я пришла на работу в туалете, каждая деталь которого была тщательно продумана. Едва завидев мой силуэт, начальник поначалу принялся было просить ему что-то отксерить, но, приглядевшись, изменился в лице, осекся и сказал, что, мол, ладно, он сам отксерит. Он куда-то ушел, а, вернувшись, сам поставил воду и предложил мне кофе. В коридоре он отметил, что я, мол, сегодня такая элегантная, и одновременно двумя ладонями с противоположных сторон сжал мне талию, благо она была как раз перетянута поясом блузки.

Он охватывал меня взглядом полностью, словно воспринимая как некое единое целое вместе с фигурой, одеждой, позой и как бы "примериваясь" ко мне. Иногда я делала по

отношению к нему то же самое в те моменты, когда размышляла о том, что, возможно, этот человек станет мне близок, или когда ловила в нем признаки того, что он думает обо мне в определенном смысле.

По своему обыкновению, я принялась добавлять нотку вульгарности в наши разговоры.

Шеф много жил за границей и общался с иностранцами. Один раз, рассуждая о том, кто мне нужен в качестве мужа – русский или иностранец, он заметил, что у иностранца ведь тоже две руки две ноги и голова. Я не удержалась и язвительно заметила:

"Это еще не все. Самое главное в мужчине вы не назвали".

Он парировал:

"Ну, и *это* тоже можно подобрать такое, какое вам нужно".

Как-то раз, придя с обеда, я обнаружила в офисе факс из фирмы под названием "Полином".

Я с недоумением спросила: "Полином"? А, может, "Бином"?.. Кстати, а чем отличается полином от бинома?"

"А вы разве не знаете?" – удивился он, памятуя о моем высшем техническом образовании.

"Не-а", – лукаво отвечала я.

Он объяснил:

"Бином – это двучлен, а полином – многочлен".

Я засмеялась, а потом добавила:

"Не, мне так много не нужно".

После этого разговора я расхаживала по офису, нарочито скромно опустив глаза, а сама смеялась, вспоминая свой каламбур.

Однажды во время одного из наших кофепитий я рассказала начальнику, что слушала песню, которую пел настоящий грубый мужчина, и пел при этом нежно и грустно – эту "глубокую" мысль я услышала когда-то от Наташи, когда мы с ней тащились от "медляков" Manowar. Я добавила, что, когда я слушаю эту песню, то забываю порой, где нахожусь и что со мной происходит, а это вроде как признаки экстаза. Он спросил: наверное, если бы он тут пел перед вами, то вы бы ему на шею бросились? Я призналась, что я – вообще человек эмоциональный, особенно когда выпью. И пожаловалась, что для меня всегда большая проблема сказать мужчине "до свиданья". На это начальник заметил: "Наверное, это для него еще большая проблема, чем для вас". Я объяснила, что, да, действительно – я вижу, как мужчина мучается, и поэтому это для меня особенно трудно, но ведь вообще-то это очень дурная привычка – не уметь говорить "до свидания". "Но вы ведь не всем говорите "до свидания?" – нескромно поинтересовался мой визави. Я помрачнела и с ничего не выражающим лицом ответила: "Да, не всем".

Начальнику нравилось, когда я развлекала его беседой –

он дал мне лестную характеристику: "Ребекка иногда так скажет, как Жванецкий не скажет". Он с интересом относился ко всему, о чем я говорила, и пытался понять, что же именно мне нравится. Со временем он приноровился лучше разбираться в моих настроениях и замечал, когда я злюсь или волнуюсь, и это мне льстило.

Один раз он сказал:

"Сегодня у меня жена или дочь купили газету какую-то — "Спид-инфо", кажется. Там интервью какой-то девушки, которая утверждает, что была любовницей Борового. А я думаю: чего про это писать? По-моему, у каждого нормального человека должна быть любовница, чего в этом такого?"

Услышав, что он произнес кодовое слово "любовница", я очень долго не могла выйти из оцепенения и продолжить разговор, делая при этом вид, что ничего не случилось.

По делам службы мы отправились вместе на банкет, где поначалу все происходило по моему сценарию. Вторую половину банкета мы постоянно перешептывались. В какой-то момент я неожиданно попросила его отряхнуть мою короткую плиссированную юбку от крошек, на что он, ничем не выдав своего удивления а, напротив, вновь подыграв мне как истинный джентльмен, ответил что-то типа: "Конечно! Кто же, кроме меня, это сделает?"

Когда после банкета мы, наконец, остались в машине одни, то, не отдавая себе отчета в происходящем, а подчиняясь давно одолевавшим меня чувствам, я сделала нечто такое, в

результате чего ощутила его губы и где-то затаившийся нежный язычок. Во время поцелуя и позже я гладила его грудь под рубашкой. Потом он упомянул, что удивлен, а я озадаченно расспрашивала, почему, и в отместку пригрозила ему все выходные пить, чтобы забыть о том, что произошло.

Про себя же я называла произошедшее "разрушением всех и всяческих рамок".

В этот момент я фактически посчитала свою "миссию" выполненной и принялась пассивно наблюдать, как дальше развернутся события.

В шефе в это время происходил процесс осознания своих желаний.

Через какое-то время в офисе он рассказал, что когда работал в издательстве, то многие "принимали его за кого-то другого" – за "большого любителя женщин", и он немало этому дивился. "Я, конечно, не ангел, но и не тот, за кого меня принимали".

В этот момент я вспомнила свое самое первое впечатление о нем и осознала, что, исходя из его внешности и темперамента, поначалу я тоже приняла его как раз за этого самого "большого любителя женщин".

Ему нравилось, когда я вела себя скромно и опускала глаза – именно в такие моменты он прикасался ко мне, – но в то же время ему не нравилось, когда я грустная и скучная. При разговорах со мной он принялся демонстративно бросать взгляд на мои ноги с агрессивным видом.

Меня стало напрягать, что именно я выступаю неким инициатором развития отношений.

Поэтому самым замечательным сделалось для меня оживленно говорить ему о чем-то, не касающемся секса, и ждать, когда он сам переведет разговор на секс.

К примеру, он начал говорить мне об анекдоте, связанном с обманом жены, но я прервала его и сказала, направляясь к двери: "Да знаю я, как с этими женами обращаются!" В ответ он пришел в возбуждение и сначала положил руку мне на талию, а потом два раза шлепнул меня пониже спины со словами: "Откуда вы это знаете? Можно подумать, вы очень долгое время мужем были". Я вспомнила, как внимательно он разглядывал меня сзади, когда я пришла в длинной юбке, обтягивающей сверху, и решила, что он проявляет некоторый интерес к моим ягодицам.

Один раз мне почудилось, что "the dreams come true": он вел себя как раз так, как мне нравится – был холоден, сдержан и безразличен, но тем не менее, почти не глядя в мою сторону, совершенно безошибочно прикоснулся к самым моим эрогенным местам. И оттого, что он делал это с показным безразличием, меня охватывало какое-то особое волнение, и в то же время казалось, что он делает это чуть ли не цинично и чуть ли не делая мне одолжение.

...Я рассказывала ему, как в своих поездках на Юг в течение нескольких минут вижу из окна поезда полосу моря, а потом она вновь исчезает, и тогда я испытываю волне-

ние, не зная, верить ли мне своим глазам. Чувство, которое я испытываю, едва приближаясь к морю, я обозначила как самое волнительное во всей поездке на Юг. Он согласился: "Да, быть не до конца уверенным, произойдет это или нет – это самое волнующее."

Тем временем меня пригласили на некую презентацию в одном из подразделений научного центра. На этом мероприятии мне удалось вволю оттянуться.

Я общалась с неким подвернувшимся мне человеком по имени Юра, хвастаясь ему, что достигла удачной точки в сочетании фаз обретения трезвости и опьянения, и что сейчас все, что я слышу вокруг, мне в кайф. Юра высказал мысль, что изюминка кроется в неожиданности и непредсказуемости – я с готовностью подтвердила, что тоже думаю, что именно в этом состоит изюминка, "точнее, – произнесла я, тревожа ножом оливку на своей тарелке, – в этом и состоит... оливка".

Когда Юра провожал меня, я нащупала в кармане свою любимую в тот день красную розу с ее нежной плотью. "Набоков сказал бы об этом: волнующая влажность", – с этими словами я заставила его сунуть руку в карман моей куртки и нащупать холодноватую мякоть лепестков... Придя много позже домой и немного протрезвев, я с некоторым удивлением вспомнила, что данная метафор – "волнующая влаж-

ность" – уже покоилось в одной из ячеек моей памяти и являлась словосочетанием, которым мы с Павликом определили... женское отверствие.

Бредя с Юрой в темноте, я молила, чтобы меня вывели к остановке ("please show me the way to the next... bus stop", как пел Джим Моррисон), и принялась издавать звуки рыдающего хныканья, картинно закрыв лицо руками, словно в отчаянии. В подобном состоянии я начала вдруг, содрогаясь, пригибаться к земле и истерически то ли хохотать, то ли плакать. Юра как мог пытался выпрямить меня и успокоить, но делал это не особенно активно, и дело кончилось тем, что мы довольно плавно упали в какую-то лужу. Я с удовлетворением отметила: "Я все-таки рада, что мне удалось тебя свалить", в ответ на что он пояснил: "Это я просто тебе подыграл".

Когда мы с Юрой брели к остановке автобуса, мне пришло в голову следующее сравнение: я сказала, что узнаю те места, где не была уже около года, подобно тому, как мужчина вновь входит в женщину, в которой он когда-то уже был.

В Покровском парке Юра принялся сетовать, что я всю дорогу на что-то жалуясь и капризничаю вместо того, чтобы демонстрировать, как мне хорошо – ну, это была типичная занудливая мужская тема. Стоило ему произнести эти слова, как он споткнулся о лежащее поперек дерево. "Это тебя бог наказал", – с некоторым злорадством заметила я, на что тот обиженно пообещал, что теперь пойдет молча, чтобы бог его больше не наказывал.

А я по аналогии вспомнила случай, как один раз разозлилась на Павлика, когда мы плыли в лодке, после чего водная стихия, словно бы из солидарности со мной, немедленно отреагировала на это штормом.

На следующий день, сидя в парке рядом с Павликом, я подумала, что порой чувствую свою ущербность из-за того, что не могу относиться к какому-то мужчине достаточно тепло. Но, к счастью, существует нечто, что все-таки соединяет меня с мужчинами: с некоторыми из них мне хочется заниматься любовью.

В институте

Закрутились – завертелись события, и меня позвали на другое место работы – с гораздо большей зарплатой, с иностранцами и с английским языком. Меня устроил туда замначальника первого отдела научного центра, видевший меня то ли на каком-то мероприятии, то ли в моей прежней конторе, и этот факт потом неоднократно обыгрывался, когда иностранцам в шутку позиционировали меня как протеже человека из первого отдела, отчего тем делалось немного не по себе.

Я оказалась в атмосфере научного центра со всеми обитающими там еще с советских времен научными работниками в придачу.

В годах сложившийся коллектив на ставку секретаря, оплачиваемую иностранцами, взяли молодую – по меркам института – незамужнюю девушку со стороны. Как мне потом рассказали, в списке кандидатов на эту должность я значилась первая и, посмотрев на меня, организаторы решили больше никого не искать.

Подразделение научного центра, после перестройки получившее статус отдельного института, располагалось в забытом богом помещении, построенном в добротном стиле советских времен, с неветриваемым запахом каких-то приборов, а нужная мне комната была запрятана в хитроумной

типографии коридоров.

Мы «зависли» тогда в очень интересной точке распространения интернета в Москве. С иностранцами мы общались по факсу и телефону. У нас был интернет от "Релкома", приходящий к нам по модему, и мы могли отправлять и получать электронную почту. Но вот понятия об интернет-сайтах у меня тогда, к примеру, не было.

Эхо в трубке от собственного голоса во время международных телефонных разговоров и мое удивление в связи с этим напоминало мне момент из сказки Оскара Уайльда, когда герой, прежде никогда не видевший зеркала, вдруг замечает напротив себя кого-то обезьянничающего и копирующего малейшие его движения – даже те, в которых он сам себе не отдает отчета. Удивительное зрелище, когда видишь себя со стороны, может вселить ужас и отвращение: ужас из-за того, что кто-то так хорошо тебя знает, а отвращение – как всегда, когда видишь себя со стороны и понимаешь, насколько ты несовершенен.

На входе в здание несли вахту постоянно сменяющиеся компании охранников, раздувающихся от сознания собственной значимости.

Один раз я не удержалась и сравнила одного симпатичного итальяно – подобного охранника с молодым мафиози из фильмов.

– Ага, ему еще только белых носков не хватает для полной картины, – пошутил в ответ его приятель.

Меня забавлял своеобразный стиль мира покрытых пылью приборов, характерный для НИИ.

Я размышляла о том, что к этим старым приборам годами никто не прикасался, а даже если и прикасался – все равно их вид оставался заброшенным и нелюдимым.

Кроме подобных приборов в помещениях институтов можно было натолкнуться и на другие любопытные предметы, существующие в мире в единственном экземпляре. Например, в командировке в Нижнем Новгороде я обратила внимание на гусиное перо, вставляемое в специальную подставку, которая качалась, как неваляшка. В комнате у одного завлаба – на пепельницу в виде черепа, в которой чудилось что-то пиратское...

В разных лабораториях мне попадались листы с забавными надписями. Например, "Список гениальных идей" – назначить такого-то директором института. "Лист Ярости. В случае ярости следует схватить данный листок, смять его и мелко порвать" с изображением рассвирепевшего быка. Или надпись на двери: "Наша радость от вашего посещения не знает границ", над которой изображен великан с безобразной гримасой.

Позже оказалось, что этот юмор был заимствован из американского физического журнала.

Институтская столовая, располагающаяся в отдельном здании, радовала глаз жизнеутверждающими мозаичными панно в стилистике развитого социализма в холле первого

этажа.

Как-то раз я углядела там довольного своим уловом мужика, который нес авоську, где желтело нечто круглое, чрезвычайно похожее на дыню; это привело меня в восторг, так как о дынях я в то время как раз довольно часто подумывала. Но, внимательно приглядевшись к содержимому авоськи, я поняла, что это вовсе не дыня, а сложенные вместе два полукружья белого хлеба, полчаса назад продававшегося в магазине на первом этаже столовой и щекотавшего мне ноздри своим ароматом.

В буфете около стеклянной витрины стояла женщина в редко вязанной кофте. От скуки я разглядывала продукты, лежащие на витрине, и краешком глаза заметила любопытную упаковку колбасы – она была стянута плотными авосечными нитями. Когда я решила еще раз провести глазами по необычной упаковке, восхищаясь изобретательностью упаковщиков, то обнаружила, что сетчатая упаковка – это лишь отражение вязаной кофты.

Я читала тогда на работе Набокова, и мое сознание генерировало килограммы подобных наблюдений.

Одновременно с этим я попала в компанию сразу нескольких мужчин, с каждым из которых у меня завязались некие сложные отношения. На базе совкового института был создан совместный с иностранцами центр, и кусок пирога в нем захотели получить многие продвинутые люди этого института. Причем передо мной мужчины раскрывались са-

мым интересным образом – как никогда не раскрылись бы, возможно, перед коллегой-мужчиной.

Видимо, несколько месяцев общения с Машей сделали свое дело: когда я оказалась в среде мужчин постарше, то они сразу отметили мою необычную манеру разговора. Очумевшие от моего сленга не въезжающие люди без обиняков интересовались, а не наркоманка ли я часом – только это понятие могло объяснить для них тот особый культурный код, которым я пользовалась. С удовлетворением выдержав паузу, я уверенно отвечала на этот вопрос отрицательно.

Я привыкла общаться в так называемом откровенном стиле, когда, казалось бы, выкладываешь собеседнику всю душу, но при этом безудержно рисуешься. Один из сотрудников института – Миша – позже признавался мне, что при первом знакомстве со мной подумал: надо же, какой откровенный человек, но потом понял, что все не так просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.